

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХХІV.

1884.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1884.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряженія	73
Каталогъ руководствъ и учебныхъ пособій, которыя могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Съ приложеніемъ описки книгъ, одобренныхъ для реальныхъ училищъ.	
Я. Г. Гуревичъ. Прохождение войны за Испанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англій. V—VIII	187
П. А. Сырку. Значеніе румыновѣдѣнія для славянской науки	234
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.	
М. А. Веневитиновъ. Пѣмецкій переводъ Хожденія игумена Даміана	248
П. А. Ровинскій. Черногорецъ и Черногорія	253
А. С. Вудилоничъ. Географическій словарь западно- и южно-славянскихъ земель. Я. Головацкаго. 1884	298
П. А. Булаковскій. Два сочиненія о жизни и трудахъ І. Добровскаго	312
Г. А. Л—скій. В. Андреевскій. Египеть. 1884.	331
П. О. Морозовъ. Новыя матеріалы для исторіи русскаго театра.	352
Ө. И. Успенскій. Сношенія Рима съ Москвою (разборъ трудовъ по русской исторіи о. П. Прлишга)	368
А. С. Архангельскій. В. Богородицкій. Гласныя безъ ударенія. 1884.	412
П. Г. Виноградовъ. Очерки западно-европейской исторіографіи. X.	414
А. Н. Веселовскій. Новости по изученію италіанской литературы	428
— Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ)	43
СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.	
— Николаевская главная астрономическая обсерваторія въ 1882 и 1883 годахъ	62
— Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній.	82
ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.	
О. А. Шеборъ. Нѣсколько критическихъ замѣтокъ къ Плату.	31
Э. М. Шульце. О новыхъ раскопкахъ въ Помпеяхъ	75
ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:	
И. И. Срезневскій. Славяно-русская палеографія (продолженіе)	177

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 4-го августа).

ЗНАЧЕНІЕ РУМЫНОВѢДѢНІЯ ДЛЯ СЛАВЯНСКОЙ НАУКИ¹⁾.

Мм. гг.! Предметомъ моихъ чтеній будутъ румынскій языкъ и румынская литература. Спрашивается: для чего эти предметы нужны славянскому филологу и историку, и какое значеніе они могутъ имѣть для русскаго слависта—историка и литератора? Не допускаются ли они въ русскомъ университетѣ только потому, что съ университетской кафедрѣ можно учить съ благою цѣлью обо всемъ, что есть въ видимой природѣ и мірѣ сверхчувственномъ? Или, можетъ быть, румынскій языкъ и литература заслуживаютъ вниманія на столько же, на сколько и языки китайскій и японскій съ ихъ литературами? Конечно, и съ этой точки зрѣнія изученіе румынскаго языка и литературы въ Россіи можетъ имѣть значеніе или, вѣрнѣе, можетъ быть цѣлесообразно. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, румынскій языкъ дѣйствительно читался въ здѣшнемъ университетѣ для практическихъ цѣлей Гинкуловымъ, который составилъ грамматику румынскаго языка, чуть ли не лучшую со стороны матеріала даже и для настоящаго времени (Начертаніе правилъ валахо-молдавской грамматики. С.-Пб. 1840), и приложилъ къ ней хрестоматію изъ лучшихъ въ то время образцовъ новѣйшей румынской литературы, словарь и собраніе славянскихъ первообразныхъ словъ, употребляемыхъ въ языкѣ валахо-молдавскомъ (Собраніе сочиненій и переводовъ, въ прозѣ и стихахъ, для упражненія въ валахо-молдавскомъ языкѣ. С.-Пб. 1840).

Чтобъ отвѣтить на поставленные мною вопросы, нужно указать хотя бы вкратцѣ на мѣстности, занимаемыя румынскою народностью, и

¹⁾ Вступительная лекція по румынскому языку и литературѣ, читанная 12-го января 1884 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

на историческую судьбу ея—съ одной стороны, а съ другой—можно отмѣтить въ общихъ чертахъ составъ румынскаго языка и главные моменты его историческаго образованія и опредѣлить зарожденіе, развитіе и характеръ румынской литературы и народной словесности.

Румынскую народность составляетъ христіанское поселеніе Румынскаго королевства, Трансильваніи, части Баната, Буковины, Бессарабіи и затѣмъ Македоніи, Фессаліи и Эпира; кромѣ того, небольшія группы румынскихъ поселеній есть въ Болгаріи, Сербіи и Венгріи. Такимъ образомъ уже отсюда видно, что Румыны занимаютъ такія мѣстности, которыхъ такъ или иначе касается исторія славянскихъ народностей не только въ частности, но даже и вообще. Какъ извѣстно, Румыны занимаютъ часть прикарпатскихъ земель, составлявшихъ, по всей вѣроятности, прародину Славянъ; нынѣ же они граничатъ на сѣверѣ съ угорскими, галицкими и буковинскими Русскими и отчасти со Словаками, на сѣверѣ съ Малоруссами, а на сѣверо-западѣ съ Сербами въ Банатѣ. Въ старину эта граница Румыновъ простиралась и дальше на сѣверъ, судя по тому, что въ Моравіи до нашего времени есть цѣлая область Валахія, почти все населеніе которой называется Валахами и имѣетъ много общаго съ чисто-румынскими пастухами въ Карпатахъ. Съ востока Румыны смежны съ Малоруссами, которые уступили первымъ сравнительно недавно нѣкоторые мѣста на лѣвой сторонѣ Днѣстра. Съ юга Дунай составляетъ только политическую границу нынѣшней Румыніи. Румыны живутъ смѣшанно съ Болгарами, начиная съ южной части Бессарабіи и затѣмъ переходя по ту сторону устьевъ Дуная, въ Добруджу. Замкнувшись здѣсь, они опять являются въ Никопольскомъ придунайскомъ округѣ спорадическими, правда, рѣдкими поселеніями врѣзывающимися въ восточные предѣлы Сербскаго королевства, которые заняты сплошнымъ румынскимъ населеніемъ. Между Никополемъ и Родопами также спорадически разсѣяны румынскія селенія, образуя отъ Македоніи къ Дунаю какъ бы путевую этнографическую цѣпь, которая въ настоящее время еще не достаточно изслѣдована; но вѣроятно, она еще въ недавнемъ прошломъ была плотнѣе и гуще, судя по нѣкоторымъ, сохранившимся до нашего времени, мѣстнымъ названіямъ и собственнымъ именамъ на надписяхъ. Приадриатическое, далматинское названіе Морлаки, въ старину Мавровлахи, указываетъ, по всей вѣроятности, на исчезнувшихъ съ теченіемъ времени Валаховъ въ прибрежныхъ мѣстахъ и на островахъ. Такъ, по край-

ней иѣрѣ, можно судить по тѣмъ остаткамъ, которые изъ дня въ день угасаютъ на нашихъ глазахъ на островѣ Велии или Крѣѣ.

Но не однимъ сосѣдствомъ Румыны близки Славянамъ. Историческія связи этихъ народовъ были весьма тѣсны и постоянны почти съ того времени, съ какого исторія начинаетъ отиѣчать ихъ въ придунайскихъ странахъ и на Балканскомъ полуостровѣ. Византійскіе, западные и русскіе лѣтописцы помѣщаютъ Румыновъ или, какъ они ихъ называютъ, Влаховъ въ предѣлахъ Болгарской земли, какъ Придунайской, такъ и Балканской. По всей вѣроятности, только Румыны, жившіе въ горахъ, на границахъ Македоніи, Фессаліи и Эпира, были болѣе или менѣе независимы; но и эти нерѣдко находились въ полувисимости, если можно такъ выразиться, то отъ Византійцевъ, то отъ Болгаръ, а въ болѣе трудное время и отъ Сербовъ. Влахи играютъ иногда очень важную роль въ болгарскихъ войнахъ и народныхъ движеніяхъ. Образованіе втораго Болгарскаго царства совершилось при весьма сильномъ содѣйствіи Влаховъ, и Калояна, перваго Болгарскаго царя этого времени, почти всѣ лѣтописцы и историки считаютъ Влахомъ. Оказывается, что влашскій элементъ былъ такъ силенъ у Болгаръ въ это время, какъ и нельзя было предполагать сперва, судя по историческимъ даннымъ. Послѣ того весьма понятно, что чрезвычайно важно выяснитъ, какъ распредѣлены были Влахи между Болгарами и вообще между Славянами Придунайскими и Балканскими. Это обстоятельство въ свою очередь выяснило бы намъ обособленіе Влаховъ, виды и способы этого обособленія и, наконецъ, образованіе придунайскихъ и прикарпатскихъ княжествъ, которыя играли столь видную роль въ исторіи южныхъ Славянъ до нашихъ дней. По историческимъ даннымъ можно наблюдать только тотъ фактъ, что съ того времени, какъ южное славянство, вслѣдствіе почти непрерывныхъ войнъ то между собою, то съ Византійцами и, кромѣ того, вслѣдствіе частыхъ нападеній на Балканскій полуостровъ Турокъ, начинаетъ терять свою политическую точку опоры, на сѣверѣ отъ Дуная возникаютъ два независимыя румынскія княжества—Валахія въ XIII в. и Молдавія въ XIV в., которыя находятся въ постоянныхъ и тѣсныхъ связяхъ, какъ съ Болгарами, такъ и съ другими Славянами Балканскаго полуострова. Мало разъяснены и почти неизвѣстны первыя отношенія этихъ княжествъ къ тѣмъ же Славянамъ; но достоверно извѣстно, что въ тотъ періодъ южно-славянской борьбы Румыны являлись то въ болгарскихъ, то въ сербскихъ войскахъ; въ рѣшительныхъ битвахъ при Никополѣ, Варнѣ и на Коссовѣ пало на полѣ брани не мало и румынскихъ вои-

новъ. Это вѣшателство Румыновъ въ южно-славянскія дѣла возбудило противъ нихъ гнѣвъ Турокъ и побудило ихъ къ вторженіямъ въ предѣлы княжествъ для разорительныхъ опустошеній. Но, не смотря на то, Румыны нерѣдко служили для Славянъ и христіанства оплотомъ противъ Турокъ. Вскорѣ послѣ почти полнаго завоеванія Балканскаго полуострова Турками Трансильванскій воевода Іоаннъ Корвинъ-Гуніяди нанесъ Туркамъ страшныя пораженія въ цѣломъ почти рядѣ походовъ на югъ отъ Дуная. Затѣмъ Валашскій господарь Михаилъ Храбрый и Молдавскій—Стефанъ Великій, а также и другіе господа, прославили румынское оружіе въ своихъ войнахъ съ Османами. Уже съ самаго подпаденія Болгаръ и Сербовъ подъ турецкое иго многія лица изъ южно-славянской знати и передовыхъ людей, не пожелавшія принять магометанство или склонить свою голову подъ турецкіе ятаганы, находили себѣ убѣжище, пріютъ и широкое гостепрійство у Румыновъ, и нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались въ этой средѣ родоначальниками многихъ боярскихъ фамилій, отчасти существующихъ до настоящаго времени. Не смотря на то, что впоследствии и придунайскія княжества подпали подъ турецкую власть, множество Задунайскихъ Славянъ, и въ особенности Болгаръ, то отдѣльными группами, то цѣлыми массами, до новѣйшихъ временъ переселялись въ княжества въ качествѣ купцовъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ и огородниковъ и здѣсь населяли не только цѣлыя участки въ городахъ, но и цѣлыя общины и даже города, какъ по берегамъ Дуная, такъ отчасти и внутри страны; съ теченіемъ времени эти славянскіе выходцы совершенно орумынились, за исключеніемъ только поселенцевъ самаго послѣдняго времени. Но мало того, румынскіе господа, бояре и боярыни со временъ подпаденія Болгаріи и Сербіи подъ турецкое иго непрестанно благотворили церквамъ и монастырямъ, какъ на Аоонѣ, такъ и въ самой Болгаріи, Сербіи и Македоніи, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ господскія и боярскія грамоты и дарственныя записи.

Не одни Славяне находили убѣжище въ княжествахъ. Послѣ вятія Константинополя Турками, въ XVI, XVII и XVIII вв. и даже въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, какъ высшіе, такъ и низшіе представители восточныхъ православныхъ церквей не только подолгу жили при дворахъ государей и въ монастыряхъ румынскихъ, но многіе изъ нихъ подвизались здѣсь всю жизнь на практическомъ и литературномъ поприщѣ для улучшенія бѣдственнаго состоянія своихъ церквей и для облегченія участи Грековъ и другихъ православныхъ

христіанъ Востока. Слѣдо можно сказать, что послѣ паденія Византійской имперіи Греки долгое время находили себѣ самую существенную поддержку, нравственную и матеріальную, почти въ однихъ Румынахъ, а во время господства въ княжествахъ фанаріотовъ они были здѣсь даже полными хозяевами. Кромѣ того, Румынскіе господа весьма часто являлись посредниками и ходатаями за нихъ предъ Московскими царями, сообщая въ своихъ посланіяхъ послѣднимъ вѣрныя свѣдѣнія о бѣдственномъ положеніи восточныхъ христіанъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, много весьма интересныхъ данныхъ о состояніи православія на Востокѣ.

Исторія сношеній Румыновъ съ Польшей, казаками и, наконецъ съ Москвою мало извѣстна, во не потому, что она представляетъ мало интереса или значенія, а потому, что до настоящаго времени она очень мало изслѣдована. Тѣмъ не менѣе, на сколько она извѣстна, она представляется весьма интересною и даже поучительною. Изученіе и изслѣдованіе сношеній Румыновъ съ Польшей и казаками должно во многомъ освѣтить религіозныя движенія у поляковъ и выяснитъ тенденціозныя отношенія послѣднихъ къ восточнымъ христіанамъ и политику ихъ по отношенію къ Турціи, а наконецъ и самое политическое состояніе Польши и состояніе православной церкви у Южноруссовъ въ XVI и XVII вв. Сношенія Румынскихъ княжествъ съ Москвою всего лучше обрисовываютъ роль и значеніе Румыновъ на православномъ Востокѣ и политическое состояніе Оттоманской имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, выясняютъ нѣкоторые моменты въ русской исторіи того же времени.

Политическое устройство и социальный строй Румынскихъ княжествъ, описанные во многихъ своихъ частяхъ почти до мельчайшихъ подробностей румынскими лѣтописцами, образовались подъ вліяніемъ государственнаго устройства и внутренняго быта по преимуществу южныхъ Славянъ; вслѣдствіе того внутренняя исторія придунайскихъ Румынскихъ княжествъ представляетъ весьма много цѣнныхъ данныхъ для выясненія внутренняго строя южныхъ и отчасти восточныхъ и западныхъ Славянъ.

Румыны, благодаря тѣснымъ связямъ со Славянами, находились подъ сильнымъ культурнымъ вліяніемъ ихъ, и въ особенности Славянъ южныхъ. Входя съ самыхъ раннихъ временъ въ составъ Болгарскаго царства, какъ одинъ изъ этнографическихъ элементовъ его, они всенародно должны были принять крещеніе одновременно съ Болгарами. Съ этого времени, нужно полагать, введена у нихъ сла-

винская кирилловская азбука и славянское богослуженіе. Отъ Болгаръ они унаслѣдовали языкъ дипломатическій и высшихъ слоевъ общества, который послѣ паденія Болгаріи сталъ испещряться польскими и малорусскими словами, такъ какъ Румыны подверглись сильному вліянію Польши и Южноруссовъ въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе того и литература Румыновъ была чисто славянскою; первый ея періодъ продолжается вплоть до XVI в., и только съ начала этого вѣка начинается зарожденіе чисто румынской литературы. При существованіи южно-славянскихъ государствъ, или вѣрнѣе, при существованіи Болгаріи, болгарская по преимуществу, а по всей вѣроятности, и сербская литературы служили духовною пищею для Румыновъ. Если и были у послѣднихъ особые книжники, то они, по всей вѣроятности, были по большей части изъ южныхъ Славянъ, если не всегда по происхожденію, то по образованію. Только послѣ завоеванія Балканскаго полуострова Турками литература румынская получаетъ болѣе или менѣе самостоятельное существованіе, но и то только до извѣстной степени. Съ этого времени придунайскія княжества служатъ убѣжищемъ для большей части южно-славянскихъ ученыхъ, подобно тому, какъ служила Италия — для византійскихъ и греческихъ послѣ завоеванія Царьграда въ 1453 году. Кромѣ того, въ XV, XVI вв. и даже въ XVII сами Румыны призывали къ себѣ съ разныхъ концовъ славянскаго міра ученыхъ для дѣятельности на пользу православной церкви и духовно-нравственнаго образованія народа. Южно-молдавскіе, валашскіе и трансильванскіе монастыри наполнялись монахами южно-славянскими и афонско-славянскими, а сѣверно-молдавскіе и буковинскіе — южно-русскими. Припомнимъ, съ одной стороны, св. Никодима, насадителя монашества у Румыновъ, затѣмъ Григорія Цамблака и архимандрита Мелетія Македонскаго, одного изъ лучшихъ румынскихъ дѣятелей своего времени, а съ другой — замѣчательнаго для своего времени ученаго Паисія Величковскаго, установителя монашескаго общежитія въ Молдавіи. Не смотря на частые политическіе перевороты въ придунайскихъ княжествахъ, эти люди сдѣлали весьма много, и притомъ не только для самихъ Румыновъ, но и для сосѣднихъ православныхъ славянскихъ народовъ. Есть свидѣтельство XVI в., что румынскій книжникъ Радуль грамматикъ списалъ для Болгаръ „мнози книги стѣи бжѣствныи глѣми. тетрѣсуглы. и стѣи ѱалтыры. и пендекостаре. и минѣ. и свѣкътань. и трѣвдре. и метофрасти. и правплп. разѣмничн. и стѣихъ ап̄слы. мнози

же мали и велици" ¹⁾. По другому свидѣтельству XVIII вѣка, Валахскій господарь Матей Вассарабъ (1632—1654 гг.) издалъ напечатанный имъ въ „Длъгомъ Поли“ (Сăпри Lungu) Требникъ для „Молдовляховъ, Оугровляховъ, Руссовъ, Сръбовъ и Вѣлгаръ“ ²⁾. Такимъ образомъ Румыны сдѣлались въ политическомъ и въ культурномъ отношеніяхъ какъ бы преемниками южно-славянскихъ государствъ, и въ особенности Болгаріи. Въ XV, XVI, XVII вв. у Румыновъ, этого народа-мученика, вынесшаго на своихъ плечахъ, а отчасти выносящаго и до настоящаго времени множество невзгодъ и бѣдствій политическихъ и соціальныхъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, мы встрѣчаемъ людей съ высокимъ образованіемъ не только для ихъ времени, но даже и для нынѣшняго, съ знаніемъ языковъ и обширнымъ знакомствомъ съ литературами восточной и западной Европы и даже литературами не европейскими. Припомнимъ Петра Могилу съ его Кіевскою академіею и его важнымъ участіемъ въ дѣлахъ церкви православной, Николая Миклеску, извѣстнаго въ Россіи подъ именемъ Николая Спаарія, Берендея, а въ Россіи—Беринда, и затѣмъ Димитрія Кантемира, бывшаго Молдавскимъ господаремъ, этого румынскаго Константина Багрянороднаго, и цѣлый рядъ другихъ, менѣе извѣстныхъ за предѣлами Румынскихъ княжествъ. Послѣ всего этого можно безъ преувеличенія сказать, что Румынскія придунайскія княжества долгое время служили передаточнымъ пунктомъ, если такъ можно выразиться, а пожалуй и центромъ славянскихъ и даже греческихъ литературныхъ связей и разныхъ благотвореній между Аеономъ и православными странами Востока. Но мало того, Румынскія княжества, находясь на рубежѣ двухъ культурныхъ міровъ, греко-славянскаго и романо-германскаго, съ которыми они были въ постоянныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ и связяхъ—съ послѣднимъ, между прочимъ, и черезъ Польшу—и подъ ихъ культурными и политическими вліяніями, служили, можно сказать, мѣстомъ, гдѣ всего чувствительнѣе сталкивались эти вліянія и, примирясь на православной почвѣ, направляли такимъ образомъ свое теченіе по всему православному Востоку. Къ сожалѣнію, этотъ весьма важный для исторіи славянской литературы періодъ до настоящаго времени почти совсѣмъ еще не изслѣдованъ.

¹⁾ *Colinta lui Traian*, 1882, № 1, р. 54; *Ж. Мин. Нар. Пр.*, ч. СС, отд. 2, стр. 74.

²⁾ *Сърку*, Остатки славянской литературы въ Молдавіи въ *Ж. М. Н. Пр.* ч. ССХХ, отд. 2, стр. 301.

Еще съ конца XV в. начинается, можно сказать, зарождевіе другаго періода въ литературѣ Румыновъ—чисто-національнаго не столько по тенденціямъ, сколько по языку, на которомъ говорила масса темнаго румынскаго люда. Румынскій языкъ по своему составу и историческому развитію представляетъ весьма большой интересъ, какъ для филолога вообще, такъ въ частности для слависта. Румынская нація, сложившись изъ сліянія нѣсколькихъ этнографическихкихъ элементовъ—римскаго, еракійскаго и въ значительной степени славянскаго, дала своему языку весьма своеобразный характеръ. На латинскую или романскую основу этого языка насѣли съ теченіемъ времени варварскіе элементы: сперва еракійскіе и разныя другіе въ Византіи, затѣмъ цѣлыми пластами славянскіе, въ незначительной мѣрѣ мадьярскіе и, наконецъ, турецкіе. Соотвѣтственно этому обстоятельству, какъ отчасти внутренній его строй, такъ и его внѣшній обликъ отдалились значительно отъ своего прототипа. Нѣтъ надобности доказывать, какъ важно и какіе богатые и поучительные результаты можетъ дать строго-научное изслѣдованіе этого язычнаго, если можно такъ выразиться, амальгамированія, изученіе этой борьбы языковъ и побѣды одного надъ другимъ; оно дало бы намъ, хотя до нѣкоторой степени, понятіе не только о культурѣ того или другаго изъ балканскихъ народовъ, но и о живучести той или другой балканской націи. Но изученіе румынскаго языка имѣетъ для насъ, славистовъ, и другое, болѣе частное значеніе. Болгары, будучи поставлены историческими судьбами съ самыхъ давнихъ временъ во многихъ отношеніяхъ въ одинаковыя условія съ Румынами на Балканскомъ полуостровѣ и на сѣверѣ отъ Дуная, естественно, въ свою очередь должны были подвергаться во многихъ случаяхъ тѣмъ же вліяніямъ, чтó и Румыны. Благодаря такимъ обстоятельствамъ, эти одинаковыя условія сказались, между прочимъ, и на болгарскомъ языкѣ, и можетъ быть, даже по преимуществу. Извѣстно, что до настоящато времени болгарскій языкъ, изученный со стороны историческаго образованія и развитія менѣе, чѣмъ другіе живые языки славянскіе, представляетъ весьма много затрудненій для изслѣдователя. Исторія румынскаго языка несомнѣнно можетъ служить прекрасною аналогіей при изученіи строя и историческаго развитія болгарскаго языка, тѣмъ болѣе что оба эти языка вліяли другъ на друга и оставили осязательные слѣды такой взаимности. Попытка къ такой аналогіи уже сдѣлана проф. Хыждеу по поводу „Опыта фонетики резьянскихъ говоровъ“

проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ ¹⁾. Эту параллель можно провести тѣмъ легче, что румынскій языкъ, при десяти милліонахъ Румыновъ, имѣеть сравнительно очень немного нарѣчій, всего только три: дакійское (въ Валахіи, Молдавіи, Бессарабіи, Буковинѣ, Трансильваніи и Валачѣ), македонское (въ Македоніи, Эпирѣ и Фессаліи) и истрийское (въ южной части Истріи и на островѣ Крѣѣ или Веліи).

Духовное родство Румыновъ со Славянами заключается не въ одномъ только языкѣ и вѣрѣ. Румынская народная поэзія, какъ обрядовая (а съ нею и самыя обряды народные) и лирическая, такъ и историческая, представляетъ очень много, родственнаго съ славянскою и по преимуществу южно-славянскою. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, румынскія колядки, святочные и другіе обычаи оказываются очень сходными съ малорусскими и отчасти русскими. Хожденіе со звѣздой и „Ироды“, остатки средневѣковой мистеріи, перешедшей къ Румынамъ съ Запада, по всей вѣроятности, и чрезъ Польшу, составляютъ еще донныя живыя явленія въ румынскихъ народныхъ праздникахъ. Сербско-болгарскій народный герой, Марко Кралевичъ или король Марку, сербская баллада о построеніи Раваницы и подобныя же болгарскія разказы и пѣсни, пѣсни о послѣднихъ Болгарскихъ царяхъ, южно-славянскія хайдужскія и отчасти малорусскія казацкія и многія другія пѣсни находятъ себѣ то сильное, то слабое соотвѣтствіе въ произведеніяхъ народнаго творчества Румыновъ, и притомъ не только придунайскихъ и карпатскихъ, но даже и македонскихъ. Судя по новѣйшимъ открытіямъ, находкамъ и изслѣдованіямъ, южно-славянская апокрифическая литература имѣла сильное отраженіе у Румыновъ, къ которымъ она проникла и устнымъ, и книжнымъ путями. Но не этими только данными обращаетъ на себя вниманіе румынская народная словесность; по своей иногда цѣльности, по изяществу, своихъ образовъ она представляетъ рѣдкое и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное явленіе между произведеніями народной словесности европейскихъ народовъ. Она можетъ быть прекраснымъ матеріаломъ для благодарныхъ научно-сравнительныхъ работъ, которыя въ настоящее время находятся только въ зачаткѣ.

Не менѣе интересенъ для слависта и весь второй періодъ румынской литературы. Румынскій литературный или, вѣрнѣе, церковный языкъ, по слабости и несовершенству, не могъ сразу освободиться изъ славянскихъ узъ, и вслѣдствіе того румынскія книжки XVI в.,

¹⁾ *Columna lui Traian* 1876, стр. 448—463.

сохранивъ славянскую азбуку, сперва робко дѣлають шаги къ этому освобожденію, все еще подчиняясь славянскому типу, въ ущербъ не только духу румынскаго языка, но даже и смыслу; славянская азбука была достаточно приноровлена къ звукамъ румынскаго языка только по истеченіи довольно долгаго времени. Первые переводы дѣлались строка въ строку, за каждымъ славянскимъ стихомъ и точкой, имѣя такимъ образомъ скорѣе значеніе глоссы; только послѣ такихъ опытовъ являются или сплошные переводы во второмъ столбцѣ, или же переводъ указаній и объясненій того, что нужно читать въ то или другое время при богослуженіи. Но не прошло и вѣка, какъ языкъ народа сталъ если не вполне, то болѣе чѣмъ на равныхъ правахъ со славянскимъ не только въ церкви, но и при дворѣ, въ дипломатикѣ и привилегированныхъ слояхъ общества. При этомъ, нужно замѣтить, начинается по немногу вліяніе западно-европейское, которое возникаетъ вслѣдствіе усвоенія высшими слоями общества италянскаго языка. Усерднѣйшими распространителями румынскаго языка были два господара, одновременно правившіе въ половинѣ XVII вѣка—Молдавскій Василій Лупу (1632—1654 гг.) и Валахскій Матей Бассарабъ (1633—1654 гг.), высокообразованные, но до конца своей жизни враждовавшіе другъ съ другомъ въ своихъ стремленіяхъ къ сліяннію всѣхъ Румыновъ подъ однимъ скипетромъ. Оба они открыли много румынскихъ школъ, а Василій Лупу — Василевскую академію и два богословскія училища. Но самыми важными дѣлами ихъ нужно считать заведеніе въ княжествахъ Румынскихъ типографій, для которыхъ шрифты и машины они получили изъ Россіи—изъ Москвы и Кіева. Кромѣ того, оба эти господара извѣстны, какъ издатели румынскихъ уложеній.

Самыми замѣчательными литературными явленіями этого періода представляются румынскія лѣтописи, которыми по справедливости можетъ гордиться румынскій народъ; изъ нихъ выдаются молдавскія по богатству матеріала и его расположенію, и въ особенности лѣтопись Іоанна Никулъчи (1673—1743 гг.), одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Румынскія лѣтописи имѣють громадную важность для славянскаго историка. Большая часть ихъ, будучи составлена въ первоначальныхъ своихъ редакціяхъ по южно-славянскимъ (какъ объ этомъ и говорится въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ), а въ позднѣйшихъ—подъ вліяніемъ польскимъ, можетъ служить хорошимъ матеріаломъ при изслѣдованіи состава болгарскихъ и отчасти сербскихъ лѣтописей и хронографовъ. Но, кромѣ того, въ румынскихъ

лѣтописяхъ заключается обильный матеріалъ для исторіи южныхъ Славянъ, Польши, Украйны, Галицкихъ и Угорскихъ Русскихъ, а также Турціи и Грековъ XV и затѣмъ XVI, XVII и даже XVIII вв. Къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ до настоящаго времени нуждается еще въ критической оцѣнкѣ.

Церковная литература имѣетъ своими представителями нѣсколькихъ ученыхъ іерарховъ, получившихъ образованіе большею частію въ западной Европѣ и Польшѣ; изъ нихъ упомянемъ Молдавскихъ митрополитовъ: Досноея (1625—1683 гг.), оставившаго потомству римовавшую Псалтирь, многія пѣсни изъ которой сдѣлались народными, и Варлаама, составившаго и издавашаго цѣлый кругъ житій румынскихъ святыхъ. Затѣмъ въ XVIII в. выдаются митрополиты: Григорій I (1760 — 1787 гг.) и Яковъ Стамати (1718—1803 гг.) и епископъ Филаретъ, которые, кромѣ переводовъ богослужебныхъ книгъ и твореній отцовъ церкви, оставили замѣчательныя проповѣди, трактаты по христіанской догматикѣ и апологетикѣ и цѣлыя томы исторіи церкви всемірной и Румынской, заключающіе въ себѣ богатый матеріалъ и для исторіи православной церкви въ Западной Руси. Кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ были замѣчательными борцами противъ кальвинистовъ и католиковъ въ Трансильваніи, и эта сторона ихъ дѣятельности также оставила живые слѣды въ румынской литературѣ.

Свѣтская литература румынская имѣетъ гораздо меньше выдающихся представителей, но тѣ, которые есть, могутъ считаться свѣтилами первой величины. Укажемъ еще разъ на Молдавскаго господара Димитрія Кантемира (1673—1723гг.), окончившаго свои дни въ Россіи. Основательно знакомый съ нѣсколькими языками европейскими и восточными, онъ былъ прекрасный знатокъ румынскаго народа и Турціи; его исторія Оттомановъ, хроника румынско-молдавско-валахская и классическое, можно сказать, описаніе Молдавіи будутъ всегда имѣть значеніе въ наукѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохранять память объ авторѣ, какъ о человѣкѣ широко образованномъ и даже ученомъ; его латинскіе богословско-полемическіе трактаты, написанные между прочимъ по поводу изданія въ свѣтъ катихизиса Теофана Прокоповича, были въ свое время довольно извѣстны и въ Россіи. Его историко-біографъ долженъ быть въ одинаковой мѣрѣ знакомъ съ славянскимъ и румынскимъ мірами. Въ XVIII в. является первый свѣтскій румынскій писатель Евакида Вакареску (1740—1799 гг.), если и не съ такою широкою и многостороннею дѣятельностью, какъ Кантемиръ,

то все же не менѣе замѣчательный: онъ былъ лучшій румынскій поэтъ своего времени, онъ же составилъ первую румынскую грамматику.

Австрійскіе или, вѣрнѣе, Венгерскіе Румыны-уніаты, вслѣдствіе особенности своего положенія, а также и вліянія Рима, съ особою энергіей выдвинули теорію о вполнѣ римскомъ происхожденіи румынской народности. Руководимые этою теоріей, представители румынской литературы у нихъ уже очень рано начали тенденціозное изученіе румынскаго языка и румынской исторіи, которое, однако, дало и хорошіе плоды—нѣсколько диссертаций о происхожденіи румынскаго народа, Румынскую хроніку Шилкаля, нѣсколько румынскихъ словарей и грамматикъ; отъ нихъ же пошло введеніе латинской азбуки въ румынскую письменность.

Съ начала нынѣшняго столѣтія начинается въ румынской литературѣ, подѣ вліяніемъ западно-европейскихъ идей, поворотъ къ совершенно новому направленію, которое выражается въ стремленіи румынской мысли совершенно освободиться изъ славянскихъ узъ и приблизиться къ западно-европейскимъ Романскимъ народамъ. Нововведенія начались съ того, что, по всей вѣроятности, подѣ вліяніемъ тенденцій Румыновъ-уніатовъ, нѣкоторыя славянскія буквы были выброшены въ свѣтскихъ произведеніяхъ и замѣнены латинскими. Теперь, вмѣсто Константинополя и Москвы, румынскою Палестиною сдѣлался Парижъ и вообще западная романская Европа. Еще болѣе усиливается это стремленіе послѣ возстанія Тудора Владиміреску или революціи 1821 г. и изгнанія фапаріотовъ изъ княжествъ. Но послѣ обнародованія органическаго регламента при російскомъ императорскомъ комисарѣ графѣ П. Д. Киселевѣ, послѣ крестьянскаго возмущенія въ Трансильваніи подѣ предводительствомъ Горіи и Клошки и въ особенности послѣ объявленія нынѣшней конституціи, этотъ поворотъ разразился порывистымъ увлеченіемъ западно-европеизмомъ. Въ одахъ и диэирамбахъ воспѣвались уже не Московскіе цари и не восточные патріархи, а Наполеонъ и разныя европейскія знаменитости. При князѣ Іоаннѣ Кузѣ, занявшемъ въ 1859 г. престолъ соединенной Румыніи, это увлеченіе достигло своего апогея. Куза, какъ бы желая уничтожить всю предыдущую исторію Румыніи и создать новую, при секуляризаціи монастырскихъ имѣній воздвигъ сильное гоненіе на все греческое и особенно на славянское духовенство. Въ его время славянская азбука была совершенно изгнана изъ свѣтской литературы и замѣнена вполнѣ латиницей. Самымъ сильнымъ приверженцемъ этого направленія былъ лучшій

писатель и публицистъ 40-хъ годовъ Еліадъ Радулеску. За нимъ пошли лучшіе румынскіе поэты болѣе поздняго времени; изъ нихъ болѣе замѣчательны Волентинеану, Константину Негруци, Александри, пишущій еще и теперь, и жолчный Еминеску; ихъ можно считать европейскими писателями въ полномъ смыслѣ слова.

Такое же увлеченіе существовало и въ наукѣ. По лучшіе изъ современныхъ румынскихъ ученыхъ, каковы профессора: Хаждеу, Одобеску, Ионеску, Византи и Ксенопулъ и лучшій изъ румынскихъ іерарховъ, Романскій епископъ Милхиседекъ и архимандритъ Генадій Еначану, при всѣхъ своихъ политическихъ тенденціяхъ, начинаютъ доходить до сознанія, что румынскій народъ сумѣвшій перенести и страшныя гоненія со стороны кальвинистовъ и католиковъ, и турецкое иго, и наконецъ, господство фанариотовъ, имѣетъ свою исторію, создавшуюся на Востокѣ, среди славянскихъ народовъ, по византийскимъ образцамъ и преданіямъ, и свою культуру, развившуюся на основѣ восточнаго православія. Нужно однако оговориться, что не у всѣхъ изъ названныхъ мною ученыхъ это сознаніе является отчетливымъ и вполне яснымъ; у большей части изъ нихъ оно какъ будто невольнo пробивается и въ силу своихъ естественныхъ правъ просится наружу, какъ заключеніе изъ цѣлаго ряда фактическихъ данныхъ, ими самими приводимыхъ. Это, вѣрнѣе сказать, истиннѣе, внушенный румынскому народу самою исторіей его.

Это литературное направленіе можно назвать новѣйшимъ періодомъ въ исторіи румынской литературы. Изъ сказаннаго мною о немъ видно, что онъ еще не законченъ, и слѣдовательно, на него нужно смотрѣть, какъ на переходный фазисъ въ исторіи румынскаго народа.

Послѣ всего вышесказаннаго, я отвѣчаю прямо и въ нѣсколькихъ общихъ словахъ на вопросъ, поставленный въ началѣ этого чтенія: намъ славистамъ, никогда не будутъ ясны нѣкоторыя весьма существенныя части славянской исторіи безъ знанія исторіи, литературы и языка Румыновъ, подобно тому, какъ и исторія послѣднихъ будетъ всегда неясна безъ исторіи Славянъ. Если во Франціи, Италиіи и Австріи давно уже сознали необходимость изучать прошлое и настоящее Румыновъ, и съ этою цѣлью открыты румынскія кафедры въ нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ высшихъ учебныхъ заведеній, то тѣмъ болѣе необходимо румыновѣдѣніе слависту и въ особенности русскому и южно-славянскому. Если русская историко-филологическая наука игнорировала до настоящаго времени Румынію, то причиной тому

было то, что въ Россіи славистика и изученіе европейскихъ литературъ были до самого послѣдняго времени только въ зачаткѣ, и критическія изслѣдованія по русской исторіи шли медленно. При всемъ этомъ Петербургскому университету принадлежитъ честь, что опъ изъ европейскихъ первый открылъ у себя чтенія по румынскому языку и литературѣ.

И. Сырку.